

Русские этимологии II

(с к р а в и н ь, н е о т о й ч и в ы й, п о н).

с к р а в и н ь

Индоевропейский корень *skerǵ-, skrǵi-, skrǵi- имеет значения "резать", "отделять" и "просеивать с помощью решета". Последнее значение представлено в большинстве индоевропейских языков: ср. греч. *κρίνω* "отделяю, разделяю", *κρίμων* "мука грубого помола", *κρησερα* "тонкое решето"; лат. *cerno, cernere, cernere* "просеивать", *farinam cribro, cribrum* "сито, решето" (< *krǵi-dhrom), *scra* "отброси", *excrementum* "то же"; др.-ирл. *criathar* (< *krei-tro) "решето", ср.-брет. *croezr*, нов.-брет. *Krouer* "решето", кимр. *godgwyn* "просеивать" (< *uro-kri-no), *gourner* "решето"; англосакс. *hriddar, hriddel* "решето", др.-в.-нем. *rītera*, нов.-в.-нем. *Reiter* "большое решето"; гот. *hraina*, др.-исл. *hrainn*, нов.-в.-нем. *rein* диал. "хорошо смолотый, просеянный" (Pokorny, 945-946).

Продолжением этого индоевропейского корня в славянских языках является глагол *krojiti, который везде значит "резать"; но не в широком, а в специфическом профессиональном значении "резать по мерке", "резать кожу, материал на куски для шитья". В некоторых славянских языках этот глагол еще употребляется в значении "резать хлеб", ср. блр. *к р ó ц ь* "резать хлеб ломтиками", русск. *к р ó и т ь* "резать хлеб, мясное" (ворон.) (ДО, 92), в.-луж. *кгаб сьлѣв* "резать хлеб", укр. *п о к р а я т и, п о к р а в а т и* "резать на куски" (Гринченко III, 276), откуда образованы производные имена со значением "ломоть хлеба": укр. *к р а й*, блр. *к р á е ц* "ломоть хлеба", русск. *к р ó я, о к р ó я ж.* "ломоть" (поков.) (Картотека Псковского областного словаря), блр. *с к р ó й к а*, русск. *псков., твер. с к р о й к а* "то же"; *с к р о й* "ломоть" (костр., нитегор.) (Опыт, 205). Апофонический вариант того же корня представлен в блр. *с к р и л ь* "ломоть хлеба", русск. *смол. с к р ы л ь* "то же" (< праслав. *skridlǵ).

Древним значением глагола *krojiti было "откалывать, щепать, отделять", что нашло свое отражение в некоторых произ-

водных. Ср. укр. диал. к р а я т ь "бить, ударять чем-нибудь тонким"¹, откуда праслав.*skridь "щепка, лучина", "осколок", "сланец", ср. русск. с к р ы л ь н ы "осколки, черепки посуды", "щепки", "льдины" (калин.) (Калинин, 240), с к р ы л ь "щепка, лучина" (курск.) (Даль IV, 211), сербохорв. *skrila*, *skrilja* "сланец", словен. *skril*, чеш. *skřidla* (Фасмер III, 659) "то же" и производный глагол с к р ы л ь т ь "щепать, колоть" (смол.) (Даль IV, 211).

Отражением древнего значения "просеивать" в славянских языках служит в-луж. *křida*, н-луж. *křida* "решето". Но внимательное изучение диалектного материала показывает, что это значение отражено значительно шире: ср. русск. к р о и т ь в е р н о в о й х л е б "просеивать на грохотах, очищая его от сору" (Даль II, 197), с к р а и н а "околотки, мякина" (Даль IV, 208). В Картоотеке Псковского областного словаря существует следующий текст: "Грабл'ам сп'иха'jem/м'атл'ој скрав'јут м'усар". В говорах соседней Калининской области записано имя с к р а в и н ь "овсяная мякина" (Калинин, 239).

От глагола *krōjiti уже в праславянский период были образованы две имперфектные формы *krājati и *kravati. От последней образованы такие лексемы, как *kravьсь "портной" (ср. польск. *krawiec*, в-луж. *кравс*, укр. к р а в е ц ь и др.), *krava, *kravědь, *obkravьkь, *obkravьka "кромка, край", *skravьkь "обрезок" (ср. польск. *krawa*, *krawędź*, *skrawek*, укр. о к р а в к а и др.), укр. к р а в а л ь н и ц я "дощечка у сапожников, на которой режут товар".

В псковских говорах мы видим префиксальную форму глагола *kravati* → *skravati*, а в калининских производное от последнего имя *skravenь ж. Ср. с к р а и н а "мякина", образованное от другой имперфектной формы: *krājati* → *skrajati* → *skrajina*.

Любопытно, что русск. с к р ы л ь н ы (< праслав. *skridь) в калининских говорах, наряду с другими значениями, сохраняет архаичное значение "отходы после веянья ржи" (Ка-

---

1. О. Курдюло. Матеріали до української діалектології та фольклористики. Київ, 1928, с. 96.

линин, 240).

Таким образом, диалектный материал не только позволяет нам выявить несколько архаичных образований (скр а в а т ь, скр а в и н ь, скр а и н а, скр и л и н ы), но и расширить наше представление о семантике праславянского глагола *krojiti, которая может быть выражена следующим образом: "резать на куски (кожу, материал)", "резать хлеб", "откалывать", "отделять зерно от шелухи, просеивать". Обобщая эти значения, их можно выразить как "разделять на части".

н е о т о й ч и в ы й

В русских говорах Среднего Урала записано прилагательное н е о т о й ч и в ы й "плохо прибывающий в весе при откорме": "Н е о т о й щ и в о й, не отъедаеща дак"; "Н е о т о й ч и в о й, вроде не кормят ево"; "Н е о т о й ч и в а така корова, нежоркая" (СГСУ П, 202).

Это прилагательное представляет значительный интерес в этимологическом отношении. Оно входит в обширный ряд прилагательных с отрицательное частицей НЕ-. Ср. н е у с т о й ч и в ы й, н е у ж и в ч и в ы й, н е р а з г о в о р ч и в ы й и по говорам: н е в з л ъ б ч и в ы й, н е в њ г л я д н о й и т.д. Обычно наблюдается противопоставление: у о т о й ч и в ы й - н е у с т о й ч и в ы й, поэтому мы вправе предположить существование прилагательного *о т ъ ч и в ы й "хорошо прибывающий в весе при откорме". Перед нами прилагательное с суффиксом -ЧИВ-, образованное от основы настоящего времени глагола *о т и т ь, о т ъ в "ожиреть". Это тем более интересно, так как глагол т ы т ь по современным лексикографическим данным в русском языке не существует или был утрачен достаточно рано. Этот глагол широко представлен во всех западнославянских языках: польск. *tuć* "полнеть, толстеть", чеш. *tuťi* "жиреть, толстеть", "извлекать выгоду", *otulý* "обрызглый, одутловатый", в-луж. *tuć* "приносить пользу, идти впрок", н-луж. *tuć* "успевать, процветать, жиреть".

В южнославянских языках этот глагол представлен только в сербохорв. т ѡ т и, т ѡ ж е м "тучнеть, полнеть, толстеть, жиреть", "бушно разрастаться" и достаточно широко в памятниках старославянского языка.

В древнерусском языке этот глагол сохранился только в

церковных памятниках, где широко использована старославянская лексика. В современных восточнославянских языках он зафиксирован только в западноукраинских говорах: т и т и, т и ю "жиреть, становиться жирным": "Товар т и е" (Гринченко IV, 263), где не исключено влияние западнославянских языков.

Таким образом, материалы исторических и диалектных словарей говорят об отсутствии глагола *tyti в русском языке. Но наличие в уральских говорах прилагательного не о т о й ч и в н ы й доказывает обратное. Судя по всему, этот глагол не только существовал в народном языке, но и послужил базой для образования производных. Реальность этого прилагательного служит аргументом в пользу исконности украинского слова.

Время образования прилагательного не о т о й ч и в н ы й определить трудно, так как модель прилагательных с суффиксом -ЧИВ- достаточно поздняя. Оно могло возникнуть как в древнерусский период, так и в период самостоятельного существования русского языка.

п о н

Словообразовательно-этимологическое гнездо праславянского глагола *pęti "тянуть, растягивать" достаточно обширно. Этот глагол легко сочетается с приставками и образует значительное число производных имен (ср. *pędlo, *pęto, *zapęti* - заропь, *zapęna*, *obpęti* - оброна, *ropęti* - ророна, *prpęti* - прроропь и т.д.). Довольно рано приобретает самостоятельность имперфективная форма *pinati "толкать". Все эти материалы давно фигурируют в этимологической литературе.

И тем не менее русские говоры дают два примера не зафиксированных ранее архаичных форм. Это слово п о н "лямка, веревка, тях": "Таскать ветку на п о н у" - тащить челнок на лямке (Богораз, IIЗ). Соответствие обнаруживается в родопских говорах болгарского языка: п ò н а, ж. "крепкая веревка, сплетенная из козьей шерсти, которая служит для стреноживания выльных животных"¹. Перед нами два парадигматических варианта имени существительного, образованного от глагола *pęti "натягивать, плести". Время образования этих имен может быть отне-

1. Тодор Стойчев. Родопски речник. - В сб.: Българска диалектология, вып.2. София, 1965, с. 241.

сено к протославянскому периоду, поскольку отношение основ имени и глагола характеризуется чередованием е/о и имелся соответствие за пределами славянского: *pen-tai- → rop-ov, ср. греч. ἄβος "труд, работа, усилие, напряжение". Значение "веревка" отражает древнюю семантику глагола *pētī "натягивать, плести", ср. литов. pīti "плести" и совмещение этих значений в таких древнерусских примерах как: "Нача дьмаволъ съти п н а т п емоу" (Прел. XV в. илл. I3); "А мы отаи съти п е н е м ъ друг другу" (Златоостр. XVI в.) (Срезневский III, I760 и I795).

В обских говорах записано слово п е н ё к, м. "веревка": "П е н ё к к тетиве вяжется"; "Жердь, п е н ё к за жердь завязывают"; "П е н ё к протину – веревку, бельё повесить" (Т III, I3). Выделив суффикс уменьшительности, мы получим слово п е н ь, м. "веревка", слово, восходящее несомненно к праславянской эпохе. Праславянское *rъnъ образовано от основы настоящего времени глагола *pētī, rъnъ "натягивать, плести" и находит себе соответствие в балтийских языках: ср. лтш. rīne – vatu rīne "коса (волос)".

Таким образом, в колымских и обских говорах мы обнаруживаем два архаизма (*ropъ и *rъnъ "веревка"), время образования которых относится к праславянскому или протославянскому периоду.